

Джулиана Грей
Чтобы встретиться вновь
Серия «Встречи при луне», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8348537
Чтобы встретиться вновь: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-081935-5

Аннотация

Когда-то юная Элизабет Харвуд и лорд Роланд Пенхэллоу считались самой красивой парой лондонского света, однако судьба уготовила им трагическое расставание.

Но однажды спустя годы случай вновь свел их под кровом маленькой итальянской гостиницы, и пламенная страсть, казалось бы, давно оставшаяся в прошлом, разгорелась с новой силой.

Обретут ли они счастье теперь? Ведь Элизабет замужем за могущественным аристократом тираном и ее может погубить даже тень скандала...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джулиана Грей

Чтобы встретиться вновь

© Juliana Gray, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Лондон, февраль 1890 года

За более чем шесть лет, проведенных на тайной службе королеве и своей стране, лорда Роланда Пенхэллоу еще ни разу не вызывали в личную библиотеку самого шефа Бюро.

Это могло означать только одно – он непреднамеренно кого-то убил.

Но Роланд не мог представить, каким образом. Последнее дело завершилось весьма аккуратно, почти без шума и крови. «Даже самого вероломного негодяя можно заставить послужить какой-то цели, – говаривал сэра Эдвард, прижав короткий толстый палец к своему столу красного дерева в Уайтхолле, – а вот труп – это пустое место». Роланд, тогда еще новичок, принял его совет близко к сердцу и с тех пор жил, руководствуясь им.

И сейчас, стоя в обветшалом холле сэра Эдварда в Мейфэре, ровно поставив носки ботинок на выщербленные мраморные плитки пола и обводя взглядом унылые семейные портреты, Роланд ощущал тот же знакомый смутный страх, что испытывал в Итоне, когда его вызывали к заведующему пансионом, чтобы отругать за очередную проказу. Он сцепил холодные пальцы за спиной и посмотрел вверх, на слабо освещенный потолок. «Волноваться не о чем, – убеждал он себя. – Ты можешь отговориться от чего угодно, Пенхэллоу». Это что – там, по дальнему углу, расплывается мокрое пятно? Старине Эдварду следовало бы быть повнимательнее, протечки весьма опасны...

– Ваша милость.

Роланд вздрогнул. Дворецкий сэра Эдварда стоял перед ним как мстительный пингвин. Его лоснящиеся темные волосы блестели в желтом сиянии яркой лампы, горевшей на столе холла, а неприступная манишка героической белизной сдерживала наступление лацканов.

– Ваша милость, – повторил он таким тоном, словно хотел сказать: «Вы, напыщенный волкодав». – Сэр Эдвард ждет вас в библиотеке.

Ответа дворецкий ждать не стал. Он повернулся и пошел в сторону (предположительно) библиотеки.

– Ужасно благодарен, – пробормотал Роланд себе под нос, с каждым шагом все сильнее ощущая себя не столько братом герцога Уоллингфорда, сколько сборщиком мусора.

– А! Пенхэллоу! – воскликнул сэра Эдвард, едва Роланд, собрав все свое хладнокровие, перешагнул порог библиотеки. Довольно-таки много хладнокровия, мысленно, но скромно оценил он, все же не зря он брат герцога Уоллингфорда.

– Сэр Эдвард.

Баронет махнул крепкой рукой на древнее кресло с подголовником у письменного стола.

– Садитесь, садитесь. Спасибо, Панкхерст, больше ничего не требуется. О, погодите. Проклятье, Пенхэллоу. Вы обедали?

– Да, в клубе.

– Превосходно. В таком случае можете идти, Панкхерст. И чтобы нас не беспокоили. Я сказал – садитесь, Пенхэллоу. Ради всего святого, здесь ни к чему соблюдать формальности.

Роланд со своей обычной небрежной грацией раскинулся в кресле, хотя нервы, предостерегая, оставались натянуты. Сэр Эдвард Пеннингтон, глава Бюро секретной службы ее величества, редко начинал встречи с потока шуточных любезностей.

Дверь за Панкхерстом хлопнулась с дерзким стуком.

Сэр Эдвард закатил глаза.

– Панкхерст. Мне бы следовало его уволить, но, с другой стороны, он ужасно осмотрителен и умеет держать язык за зубами. Не желаете капельку чего-нибудь? – Он встал и

направился к столу в форме полумесяца у дальней стены, на котором приглашающе подмигивали хрустальные графины на подносе. – Шерри? Виски? У меня еще есть благородный портвейн, остатки того, что мой отец запас для меня по случаю моего рождения, ха-ха.

– Не хочу вас обделять, – сказал Роланд, даже в теперешних расстроенных чувствах остро ощутивший, как тяжело лишиться благородного портвейна.

– Чушь. Если дожидаться подходящего случая, его и вовсе никогда не выпьешь. – Сэр Эдвард взял графин и вытащил пробку. – А! Вот и ты, чертов красавчик.

– Знаете, вы намного щедрее моего брата, – заметил Роланд. Прищурившись, он наблюдал, как сэр Эдвард до краев наполняет густым рубиновым портвейном сначала один бокал, потом второй. В безмолвной комнате, заставленной книгами, жидкость лилась в хрусталь со звуком, напоминающим амазонский водопад. – Он и близко не подпускает меня к своим выдержанным винам.

– О, конечно. Герцоги, одно слово. – Сэр Эдвард протянул ему бокал. – За королеву.

– За королеву.

Бокалы соприкоснулись, хрусталь приятно зазвенел, но сэр Эдвард, вместо того чтобы вернуться за стол, подошел к окну, выходящему на задний садик. Отодвинул тяжелые темно-красные шторы и, сделав глоток портвейна, взгляделся в туманную тьму.

– Полагаю, – произнес он, – вы гадаете, зачем я вас сегодня сюда вызвал.

– Да, это меня несколько удивило.

– А! Бдительный. – Сэр Эдвард покрутил портвейн в бокале. – Последние несколько лет вы справляетесь очень хорошо, Пенхэллоу. Чертовски хорошо. Когда вас впервые навязали мне, я думал, что вы окажетесь очередным аристократическим жерновом у меня на шее – с этой вашей крикливой внешностью и чертовым непревзойденным происхождением. Но, к своему огромному удовольствию, я ошибался. Очень сильно ошибался. – Он повернулся к Роланду, и с его худого лица сошло все вымученное оживление, а острые углы внезапно сделались еще аскетичнее, чем обычно.

– Я рад быть полезным, сэр, – ответил Роланд. – Королеве, и стране, и все такое. Это очень занятно. – Он так сильно сжал узкий бокал, что холодные рифленые узоры больно врезались в пальцы.

– Разумеется, рады. В этом я совсем не сомневаюсь. – Сэр Эдвард уставился в рубиновую глубину портвейна в бокале.

– Сэр? – окликнул его Роланд. Во рту так пересохло, что он не смог произнести ничего более членораздельного. Затем он вспомнил про портвейн, поднес бокал ко рту и сделал добрый моряцкий глоток.

Сэр Эдвард откашлялся.

– В этом-то вся проблема. Подозреваю, что вам прекрасно известно – мы не единственная организация в правительстве ее величества, собирающая информацию.

– Конечно. Мы то и дело наступаем друг другу на пятки. – Роланд победительно улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой. – Не далее как в прошлом месяце я сам чуть не кончил весьма скверно. Влез прямо в ловушку, устроенную какими-то проклятыми парнями из военно-морского министерства. В такую западню я в жизни не попадал.

– Да, я читал ваш отчет. – Сэр Эдвард отошел от окна и снова сел за стол. Уголок его рта приподнялся в слабом подобии улыбки. – Эти ваши отчеты весьма неплохо написаны, за исключением, пожалуй, избытка образных выражений.

Роланд скромно пожал плечами.

– Иначе отчеты будут чересчур скучными.

– Во всяком случае, эти... э-э-э... проклятые парни из военно-морского министерства, как вы выразились, не воспринимают происходящее в том же братском духе, что и вы.

– Нет? Неспортивно с их стороны. Через пару недель все они снова были на ногах. – Роланд смахнул с рукава пятнышко пыли.

– А. И тем не менее. Несмотря на всю вашу нежную заботу, наверняка отвечавшую высочайшим стандартам службы...

– Естественно.

– ...начались разговоры, – сэр Эдвард поставил бокал и начал перебирать аккуратную стопку бумаг, лежавшую в кожаной папке, – что наше вмешательство является сознательной попыткой свести на нет длительное и престижное расследование.

Роланд вскинул брови. Как ни старался он, так и не научился приподнимать только одну.

– Вы не можете говорить это всерьез. Неужели военно-морское министерство в самом деле считает, будто у меня нет других забот, кроме как замышлять их крушение? Да ради всего святого! Мой источник дал мне все основания думать...

– Ваш источник. – Сэр Эдвард взял из стопки верхний документ и просмотрел его. – Джонсон, если быть точным.

– Да, сэр. Вы его знаете. Исключительно надежный и занимает прекрасное положение в русской миссии.

– И как раз сегодня утром он с кучей небольших тяжелых сундучков поднялся на борт парохода, отправившегося в Аргентину, и занял там каюту первого класса по правому борту. – Сэр Эдвард поднял взор. – Удивлены, верно?

Роланд обмяк в кресле.

– Ну, будь я проклят!

– Проклят. Да.

– В Аргентину!

– Именно так. Более того, путешествует он под своим настоящим именем.

– Какая наглость!

– Мой коллега из министерства, разумеется, просто вне себя. Он убежден, что вы заплатили Джонсону, что все это часть какого-то заговора с нашей стороны: в лучшем случае – попытка выставить их дураками, а в худшем...

Роланд вскочил с кресла и придавил документ пальцем.

– Ради Бога, не вздумайте это сказать!

– Тихо, юный болван. Я вас ни в чем не обвиняю.

– Но кто-то обвиняет. – Голос Роланда прозвучал тихо, мертвенно, совсем не похоже на него.

Сэр Эдвард склонил голову набок и долгим взглядом посмотрел на Роланда.

– Кто-то, да.

– Кто?

– Не знаю. – Сэр Эдвард нахмурился. – Послушайте, Пенхэллоу. Я буду говорить как можно более откровенно, поскольку считаю себя неплохим знатоком людей и не знаю другого человека, более бескорыстного и преданного благополучию британского народа, чем вы.

Натянутое как стрела тело Роланда слегка расслабилось.

– Что-то затевается, Пенхэллоу. Я не знаю, что именно. Какие-то подвижки, подводные течения. Конечно, соперничество было всегда, временами очень ожесточенное. Этого приходится ожидать в нашей работе, где нет особой финансовой выгоды, никаких чествований героя в соборе Святого Павла, ничего такого. Власть – вот единственная валюта. Но то, что я сейчас слышу, что чувствую, странные случаи то здесь, то там... даже в слова облечь не могу. Но что-то происходит.

Роланд откинулся на спинку кресла. Все его чувства были обострены.

– Что именно?

Сэр Эдвард сложил ладони домиком, палец к пальцу, над белым листом бумаги.

– Если бы я знал, Пенхэллоу, уже что-нибудь предпринял бы.

– И как я могу помочь?

– Видите ли, в этом и заключается проблема. – Он побарабанил пальцами – жесткими, короткими, крестьянскими пальцами, так подходившими его жесткому, крепкому телу, на котором превосходного покроя сюртук смотрелся, как шелковые ленточки на боевом жеребце. – Скажите мне, Пенхэллоу, – произнес он ровным голосом, – у вас есть враги? За исключением, разумеется, тех проклятых парней, которых вы вывели из строя несколько недель назад.

– Ой, да сколько угодно. Репутацию, подобную моей, не создашь, не сломав несколько носов.

– Кто-нибудь желающий уничтожить вас?

– Как любого, кто обыгрывает тебя в карты или уводит твою любовницу.

– Я имею в виду полное уничтожение. Моральное, физическое. Возможно, человек, желающий, чтобы вас осудили за измену.

Измена.

Слово прозвенело в комнате, отрикошетило от книг и мебели и упало между ними с противным лязгом.

– Я никого подобного припомнить не могу, – очень спокойно произнес Роланд.

– И все-таки, – не менее спокойно отозвался сэр Эдвард, – я с определенной долей уверенности могу сказать, что такой человек существует.

– Назовите его, и через час он станет трупом.

– Я не знаю его имени. В этом-то и заключается тайна. – Сэр Эдвард встал, направился к книжным полкам у окна, где небольшой глобус разрывал ровный ряд томов в кожаных переплетах, и положил растопыренную ладонь на Атлантический океан. – Вам есть куда уехать на месяц-другой? Может быть, и дольше. Какое-нибудь потайное место?

– Что, скрываться? Ну, знаете ли...

– Не скрываться, вовсе нет. Всего лишь ненадолго перестать привлекать слишком пристальное внимание.

– Да будь оно все проклято, сэр, я не собираюсь бежать, поджав хвост!

– В данном случае благоразумие является основной частью героизма. – Сэр Эдвард повернулся, пробуравив его острым взглядом темных глаз. – Смысл в том, чтобы подразнить нашего приятеля и выманить наружу. Выяснить, что у него на уме. Пусть он думает, что победил. Легкий триумф вызывает излишнюю самоуверенность.

– А тем временем я должен буду сидеть где-нибудь в деревне и бездействовать...

– Желательно за пределами Англии.

– О черт. За пределами Англии? Я терпеть не могу Париж, а друзей у меня больше нигде нет... – Он замолчал. В мозгу, как гадкий угорь, зашевелилась мысль.

– Что такое?

– Мм... в общем-то ничего. Глупая мысль об одном нашем друге.

– Что за мысль? Что за друг?

– Ученый. Зовут его Бёрк. Наш с братом очень близкий, доверенный друг. У него появился какой-то безумный проект, требующий провести год в замке в горах Тосканы. Что-то связанное с моторными авто и всяким таким... на самом деле совершенно не годится...

– Боже правый! Это же идеально!

– Что? О Господи, нет. Ни под каким видом. Сырые, паршивые места эти замки. Да еще нужно отказаться от женщин, и выпивки, и... в общем, от всего, что делает жизнь сносной.

– То, что вам требуется, Пенхэллоу. Великолепно. Я немедленно напишу необходимые письма, открою линию связи...

– А это что такое?

Но сэр Эдвард уже составлял памятную записку.

– Думаю, Биддл из конторы во Флоренции снабдит вас всем необходимым. Тоскана, да? Насколько мне помнится, ее называют землей бесконечного солнца. Ха. Вы превосходно проведете там время. Будете в высшей степени признательны этому вашему мистеру Бёрку.

Роланд следил за быстрым движением по бумаге ручки сэра Эдварда, и его начало подташнивать.

– Я отказываюсь...

– Что-что? О, Пенхэллоу, чепуха! Я позабочусь обо всем с этой стороны и дам вам знать, когда можно будет вернуться. Подумайте об этом как о своего рода творческом отпуске. Вы вернетесь посвежевшим, обновленным. Полным вкуса к жизни и все такое.

Роланд, никогда не лезший за словом в карман и не терявший самообладания, понял, что лишился и того и другого. Челюсть его беспомощно отвисла.

Сэр Эдвард сложил записку и поднял взор.

– Что такое? О, бросьте, Пенхэллоу. У вас такой вид, словно вам только что вынесли смертный приговор. Только подумайте обо всех преимуществах: солнце, вино, приличная еда! Опытные молодые женщины, не умеющие говорить по-английски!

Он встал, протянул записку Роланду и ухмыльнулся, как демон.

– Что может пойти не так?

Глава 1

*Тридцать миль к юго-востоку от Флоренции,
март 1890 года*

Мальчик был не старше четырех-пяти лет. Он решительно стоял в дверях гостиницы и темными глазами смотрел на Роланда со странной напряженной враждебностью, нахмурил лоб и прикусив большой палец.

– Слушай, молодой человек, – деликатно кашлянув, произнес Роланд и поставил ногу на ступеньку. – Может быть, ты разрешишь мне пройти?

Мальчик вытащил палец изо рта.

– Мой отец тебя запросто побьет.

Дождь с карниза капал на тулью шляпы Роланда, стекал на узкие поля, а уже с них заливался за воротник пальто. Холодная и промокшая рубашка неприятно липла к коже.

– Думаю, ты прав, – согласился он, собрав воротник пальто в кулак. – Но пока мне бы очень хотелось обсушиться у того жаркого огня, что потрескивает в камине прямо за твоей спиной. Разумеется, если ты не против.

– Мой отец, – заявил мальчишка, ткнув пальцем в нос Роланду, – сможет расколошматить тебе лицо, и ноги, и руки, и ты будешь плакать вечно. – Последнее слово он произнес с особенным удовольствием.

Роланд моргнул. За небольшой фигуркой мальчишки он ясно видел общую комнату гостиницы: длинные столы, сидящих за ними людей, тарелки с дымящейся едой и бутылки местного вина. В камине приглашающе ревел огонь, прогоняя прочь сырой мартовский воздух.

– Конечно, я буду плакать, – сказал Роланд. – И очень горько. Нисколько в этом не сомневаюсь, ни капельки. Но, слушай, там горит огонь...

– Филипп! Вот ты где!

Измученный женский голос послышался из-за спины Роланда, откуда-то из глубины вонючего грязного гостиничного двора, который он только что пересек. Голос измученный, да: натянутый, иссохший, с небольшой хрипотцой, но тем не менее очень знакомый.

От потрясения спина Роланда напряглась. Нет, только не здесь. Он наверняка ошибается. Не во дворе деревенской итальянской гостиницы, запрятанной в далеких холмах, в милях и милях от цивилизации и комфорта Флоренции, в целой вечности от лондонской оранжереи, где он в последний раз слышал этот мелодичный голос.

Нет, должно быть, просто воображение разыгралось.

– Филипп, ты же не причиняешь неудобства несчастному джентльмену, верно? – Женщина говорила страдальческим тоном, быстро приближаясь к его правому плечу. Боже милостивый. Нет, он не может вообразить ее сейчас. Или может?

– Сэр, прошу прощения. Мальчик ужасно устал и...

Роланд повернулся.

– Ой. – Леди мгновенно осеклась и отступила на два-три шага. Ее лицо было почти полностью скрыто под полями шляпки, но изгиб губ и подбородок был в точности таким, какими их помнил лорд Роланд. Клетчатый шарф укутывал шею, длинную и изящную, плавно перетекающую в деликатную плоть плеч и груди, сейчас благоразумно прикрытых темным шерстяным пальто.

– Роланд, – прошептала она.

Разумеется, ему снится сон. Она не может быть настоящей. Плод его усталого воображения. Тяготы путешествия дают о себе знать.

– Леди Сомертон, – произнес он, слегка поклонившись, и с полей шляпы потоком хлынула вода. Раз уж это сон, следует хорошо сыграть отведенную ему роль. – Какой очаровательный сюрприз. А я как раз знакомился с вашим сыном.

«С сыном», – эхом отдалось у него в голове.

– Лорд Роланд, – ответила она, склонив голову, и сложила перед собой обтянутые перчатками руки. – В самом деле, большой сюрприз. Мне не следовало... О, Филипп, ну право же!

Роланд резко обернулся и успел увидеть, как кончик языка мальчика прячется в его херувимском ротике.

– Прошу прощения. – Она прошла мимо Роланда и взяла Филиппа за руку. – Обычно он такой хороший мальчик. Это все дорога, и его няня заболела в Милане, и... о, Филипп, пожалуйста, будь славным мальчиком, извинись перед его милостью.

– Ты велела мне подождать там, где сухо, – сказал Филипп, серьезно глядя в лицо матери.

– Велела, – согласилась она, склонившись к нему, – но я никогда не просила тебя приставать в дверях к ничего не подозревающим джентльменам. Попроси прощения, Филипп, и пропусти его милость. Он страшно промок.

– Извините, – буркнул Филипп.

– Филипп, ну право же!

Мальчик вздохнул и повернул лицо к Роланду.

– Мне очень стыдно, ваша милость, и я больше никогда так не сделаю.

Роланд торжественно поклонился.

– Все в порядке, старина. В полном порядке. Это ты сгоряча. В свое время я делал вещи и похуже.

– Очень хорошо, Филипп. Ты молодец, – сказала леди Сомертон. – А теперь пропусти его милость.

Филипп недовольно посторонился.

– Благодарю, сэръ, – все так же торжественно произнес Роланд, поднимаясь по ступенькам. В дверях он обернулся и снял шляпу.

– Вы только что прибыли, мадам? Насколько я понимаю, сегодня у них тут полно народу.

– Да, только что, – ответила она, подняв к нему лицо, и взгляд голубых глаз нанес ему удар такой силы, какой не бывает во сне. – Но я уверена, что мы найдем комнату. Леди Морли как раз сейчас разговаривает с хозяином, и... ну, вы знаете леди Морли.

– Леди Морли, клянусь Богом! – Он улыбнулся. – Значит, вы путешествуете вдвоем? Чертовски неподходящее для этого время года.

Она выпрямилась, все еще сжимая ручонку Филиппа.

– Полагаю, можно сказать и так. А вы, лорд Роланд? Вероятно, направляетесь во Флоренцию?

– Нет-нет. Собственно, мы как раз оттуда. Я здесь с братом и... и еще одним человеком. Мы... – Мы собираемся провести год в полном сквозняков итальянском замке, как монахи, посвятив себя алгебре, и Платону, и бог знает чему еще. Потрясающе проведем время.

Она выжидательно вскинула брови.

Роланд взял себя в руки.

– В общем, не важно. Я очень надеюсь... То есть, если я могу быть чем-нибудь полезным...

– Нет-нет. – Она потупилась. – Мы прекрасно справляемся.

– Хотите войти?

– Нет, я... я кое-кого жду.

Лорд всмотрелся в темноту у нее за спиной.

– Разве нельзя подождать внутри? Здесь ужасно сыро.

– Она появится с минуты на минуту.

Голос был спокойным и решительным, в точности каким помнил его Роланд. Вообще это страшно раздражает: если уж он взял за труд увидеть леди Сомертон во сне, неужели она не может совершить что-нибудь более драматическое? Более фантастическое? К примеру, сорвать с себя платье, прыгнуть к нему в объятия и заняться с ним любовью, прижавшись к стене гостиницы, а дождь пусть струится по ее телу.

О да. Вот это будет подходящим сном.

– Ну что ж. – Он слегка поклонился. – Полагаю, вскоре мы снова увидимся.

– Да, вероятно. – Таким тоном, словно собирается на прием к дантисту. Она повернулась к Роланду спиной, взяв мальчика за другую руку.

Со двора гостиницы послышался пронзительный голос:

– Лилибет, ты в жизни не догадаешься, что я только что увидела в конюшне!

Мальш Филипп крикнул в ответ:

– Кузина Абигайль, иди посмотри, тут такой странный дяденька!

Сон принимал весьма нежелательный оборот.

Роланд торопливо вошел в дверь и оказался в тепле общей комнаты, оставив леди Сомертон и ее сына на крыльце.

– Ради всего святого, Пенхэллоу. Мы ждем тебя целую вечность, – протянул герцог Уоллингфорд, поставив свою кружку, но увидел лицо лорда и изумленно воскликнул: – Что с тобой? Встретил привидение?

– Похоже на то, – отозвался Роланд, бросил шляпу на стол и скинул пальто, обдав все вокруг брызгами. – В жизни не догадаешься, с каким призраком я только что столкнулся снаружи. Здесь, в чертовом Богом забытом гостиничном дворе! Это что, вино?

– Местные помои, – ответил герцог, наполняя из кувшина пустую кружку. – Как правило, я не строю никаких догадок, но в данном случае подозреваю, что твое привидение имеет какое-то отношение к вдовствующей маркизе Морли. Правильно?

Роланд плюхнулся на стул напротив, чувствуя, как благодарны его кости, вновь обретая твердую опору.

– Видел ее, что ли?

– Слышал. Мы постарались остаться незамеченными. – Уоллингфорд толкнул кружку к брату. – Выпей, старина. Милостью Божьей скоро принесут еду.

Финеас Бёрк наклонился к Уоллингфорду.

– Леди Морли ругается с хозяином вот уже четверть часа, – сказал он. – Просто адский шум. Они как раз поднялись вверх, чтобы посмотреть комнату.

– Помяните мое слово, – заметил Уоллингфорд, – нас вышвырнут из наших комнат, и мы будем вынуждены спать в общем зале.

– Наверняка нет, – возразил Роланд, сделав большой глоток вина. – Ты же чертов герцог, Уоллингфорд. Какой смысл быть герцогом, если не можешь сохранить за собой даже комнату в гостинице?

– Помяни мое слово, – мрачно повторил Уоллингфорд.

Бёрк постучал указательным пальцем по обшарпанной деревянной столешнице.

– Во-первых, они женщины, – сказал он, – а во-вторых, это леди Морли. Берет штурмом все, что угодно, старая дракониха.

– Не такая уж и старая, – снисходительно отозвался Роланд. – Мне кажется, ей еще и тридцати нет. О, это наш обед?

В их сторону, чуть пошатываясь, шла девушка в домотканой юбке и несла огромный оловянный поднос, полный цыплят и толстых кусков деревенского хлеба. «Хорошенькая», – лениво отметил Роланд, кинув на нее оценивающий взгляд. Она поймала этот взгляд и неуклюже, с грохотом поставила поднос на стол в ту самую секунду, как с лестницы донеслись слова Александры Морли на ломаном итальянском, перекрыв гул голосов остальных путников:

– Это совершенно неприемлемо, not possible, вы меня слышите? Мы англичанки, anglese. Мы не можем... О! Ваша светлость!

– Помяните мое слово, – пробормотал Уоллингфорд, бросил салфетку и поднялся на ноги. – Леди Морли, – сказал он. – Добрый вечер. Надеюсь, у вас все в порядке.

Ее милость стояла на лестнице, высокая и надменная, с каштановыми волосами, собранными в неестественно аккуратный пучок на затылке. Несколько лет назад, до брака с маркизом Морли, она была миловидной девушкой, а сейчас превратилась в очень привлекательную женщину – высокие скулы и блестящие карие глаза. Со своим властным лицом и дерзкими чертами она была не во вкусе Роланда, но он вполне мог оценить ее, как оценивают классические статуи в садах, не испытывая при этом желания заключить их в объятия.

– Дорогой Уоллингфорд, – заговорила она, продолжив спускаться по лестнице, и с повелительного ее голос без всяких усилий сменился на льстивый. – Вы как раз тот человек, которого я надеялась встретить здесь. Кажется, мне не удастся заставить этих итальянцев понять, что английские леди, даже самого либерального толка, просто не могут ночевать в одном помещении с посторонними людьми. Посторонними мужчинами. Иностранцами. Вы согласны, ваша светлость?

Она остановилась прямо перед ним.

– А что, наверху не осталось свободных комнат, мадам?

Она красиво пожала обтянутым черной тканью плечом, искусно описав в воздухе небольшую дугу.

– Маленькая комнатка, очень маленькая. В ней едва ли хватит места для мальчика леди Сомертон, не говоря уже о нас троих. – Ее взгляд переместился на Роланда, она заметно вздрогнула и отшатнулась. – Лорд Роланд! – воскликнула леди Морли. – Я представления не имела! Вы уже... моя кухня... леди Сомертон... Боже правый!

Роланд учтиво поклонился. А почему нет? Это показалось ему самым правильным.

– Я имел великую честь встретить ее милость снаружи, на... крыльце, несколько минут назад. И, конечно, ее очаровательного сына.

Из аккуратного горла леди Морли вырвался задушенный звук, словно она пыталась подавить смех.

– Очаровательного! Да, безусловно. – Она открыла рот, но снова закрыла и откашлялась.

Глядя на нее, Роланд почувствовал, что его собственное потрясение постепенно исчезает, оцепенение сменяется осознанием. Невозможно отрицать реальность Александры, леди Морли. А если леди Морли настоящая, то...

Нервы угрожающе натянулись.

Это все взаправду, а не во сне. Лилибет здесь.

«Вы мне это прекратите», – твердо приказал он нервам, но стало еще хуже. Все стало еще реальнее, и присутствие Лилибет – физическое присутствие ее живого тела в каких-то десяти ярдах от него – сделалось настоящим. Возникло тревожащее предчувствие, что сейчас он совершит что-нибудь опрометчивое.

Леди Морли заломила руки и моляще взглянула на герцога.

– Послушайте, Уоллингфорд, я в самом деле вынуждена отдалиться на вашу милость. Наверняка вы понимаете, насколько у нас затруднительное положение. Ваши комнаты

намного больше, настоящий дворец, да еще и целых две! Вы же не можете сознательно... – Голос ее зазвучал еще пронзительнее. Она повернулась к Роланду. – Мой дорогой Пенхэллоу. Только подумайте о бедняжке Лилибет, спящей в... в кресле, вполне вероятно... среди всех этих незнакомцев.

Бёрк, стоявший рядом с Роландом в таком же прекрасном расположении духа, как лев, которому помешали спать, зловеще кашлянул.

– А вам, случайно, не пришло в голову, леди Морли, заказать комнаты заранее?

Роланд поморщился. Будь он проклят. Старина ученый Бёрк не относился к тем людям, кто умеет обращаться с молодой заносчивой маркизой терпеливо, а сейчас требовалось именно терпение – терпение, деликатность и исключительная щепетильность.

Потому что здесь находится Лилибет. Здесь, буквально рукой подать.

Знаменитый гневный взгляд кошачьих глаз леди Морли метнулся к Бёрку.

– На самом деле пришло, мистер... – Она выразительно вскинула брови. – О, извините меня, сэ. Кажется, я не расслышала вашего имени.

– Прошу прощения, леди Морли, – вмешался герцог Уоллингфорд. – Как невнимательно с моей стороны. Имею честь представить вам – возможно, в своих занятиях философией вы уже встречали это имя – мистера Финеаса Фицуильяма Бёрка, члена Королевского общества.

– Ваш покорный слуга, мадам, – сказал тот, едва заметно склонив голову.

– Бёрк, – протянула она, и глаза ее слегка расширились. – Финеас Бёрк. Разумеется. Королевское общество. Да, конечно. Все знают о мистере Бёрке. Я нахожу... «Таймс», в прошлом месяце... ваши заметки об электрическом... этот новый вид... – Она сделала глубокий вдох и даже сумела тепло улыбнуться. – То есть я хочу сказать, что, конечно, мы заказали комнаты. Если память мне не изменяет, я телеграфировала несколько дней назад. Но мы задержались в Милане. Видите ли, няня мальчика заболела, и, я полагаю, наше сообщение не дошло до хозяина гостиницы вовремя. – Она сурово посмотрела в сторону владельца.

– Послушайте, – с ужасом услышал собственный голос Роланд. Вот оно. Та самая опрометчивость, и остановить это невозможно, в точности как двоюродную бабушку Августу, когда та рассказывает за обедом один из своих неприличных анекдотов. – Хватит этой чепухи. Даже подумать непозволительно, чтобы причинить какие-либо неудобства вам и вашим подругам, леди Морли. Ни на мгновение. Верно, Уоллингфорд?

– Нет, будь оно все проклято, – буркнул герцог, скрестив на груди руки.

– Бёрк?

– Черт бы все побрал, – пробормотал тот чуть слышно.

– Видите, леди Морли? Все готовы и рады и все такое. Осмелюсь предложить, Бёрк займет ту маленькую комнатку наверху, поскольку он такой скучный мизантроп, а мы с братом будем счастливы... – Он обвел рукой темные глубины общего зала. – Мы с ним удобно расположимся внизу. Это подойдет?

Леди Морли сжала руки в элегантных перчатках.

– Дорогой Пенхэллоу! Я знала, что вы сделаете нам одолжение! Я страшно вам благодарна, дорогой мой; вы даже представить себе не можете, как я вам благодарна за ваше великодушие! – Она обернулась к хозяину. – Вы поняли? Comprendo? Можете перенести вещи его светлости из комнаты наверху и тотчас же доставить туда наши сундуки! А, кухня Лилибет! Вот вы где наконец! Вы разобрались с багажом?

Роланд не смог удержаться. Он резко повернулся к двери, отчаянно надеясь увидеть ее – сейчас, когда его мозги встали на место; отчаянно желая кинуть на нее хотя бы один взгляд – без дождя, темноты и этих чертовых проклятых шляп. Он хотел знать все. Изменилась ли она? Стала циничной и пресытившейся? Увяла ли ее свежая красота в губительной атмосфере супружества с легендарно распутным лордом Сомертоном?

Хотелось ли ему, чтобы все так и было?

Она стояла у двери на коленях, расстегивая пальтишко на сыне. Очень типично для нее – сначала позаботиться о мальчишке, маленьком страдальце. Она повернула голову, чтобы ответить кузине, и голос ее прозвучал так же ровно и мелодично, как всегда, без той хрипотцы, что Роланд заметил раньше.

– Да, все уже выгрузили и заносят с черного хода.

Она встала, протянула пальто мальчику и начала расстегивать свое.

Роланд задержал дыхание. Ее обтянутые перчатками пальцы ловко находили пуговицы и проталкивали их сквозь петли, дюйм за дюймом открывая практичный темно-синий дорожный костюм с высоким белым воротником, скромный, безупречно подходящий леди. Ее груди (они стали полнее, или ему только кажется?) аккуратно приподнимали безукоризненно скроенный жакет.

Кто-то резко толкнул его под ребра.

– О, ради Бога! Не вываливай язык, пес ты эдакий, – прошипел брат.

Хозяин гостиницы торопливо спустился по лестнице, чтобы помочь ей. «Она умеет производить такой эффект», – сердито подумал Роланд.

– Я возьму ваше пальто, миледи, – сказал хозяин, подобострастно поклонился и перекинул влажное шерстяное пальто через руку так, словно оно было сшито из золотой ткани. – И шляпу. Шляпу. Ах, *mia donna*, она такая мокрая! Подойдите к огню, обсушитесь. *Mia rovera donna*.

– Спасибо, – ответила она. – *Grazie*.

И позволила подвести себя к огню, одной рукой приглаживая темные волосы, а другой ведя за собой Филиппа. Отсветы пламени засияли золотом на ее бледной коже, отбрасывая тени под скулами. «Она выглядит уставшей», – подумал Роланд и непроизвольно сделал шаг в ее сторону, но тут же опомнился. Забота! О леди Сомертон! Будто она не в состоянии позаботиться о себе сама, без него. Она это уже давно доказала.

Роланд огляделся и обнаружил, что Бёрк и Уоллингфорд снова уселись за стол и только он один стоит, как деревенский дурачок, и пялится на красивую спину ее милости.